

Научная статья

УДК 821.161.1+82-1/-9

DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-69-82

Сюжеты фронтальной жизни в этнографической беллетристике Н. П. Матвеева

Ксения Александровна Землянская

Амурский государственный университет
Благовещенск, Россия

phlox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>

Аннотация

Представлены результаты исследования этнографической беллетристики Н. П. Матвеева (Амурского) – известного во Владивостоке краеведа, писателя и общественного деятеля. Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом гуманитарной науки к становлению художественной этнографии в творчестве дальневосточных писателей второй половины XIX – первой половины XX в. Творчество Матвеева развивается в контексте художественно-этнографических поисков рубежа XIX–XX вв. Краевед-энтузиаст, он активно публиковался в приморских газетах, в начале XX в. выпустил во Владивостоке и Москве сборники рассказов, где обращался к жизни русских переселенцев в Южно-Уссурийском крае, их повседневным заботам, опыту взаимодействия с представителями инокультуры – китайцами, японцами и корейцами. В статье впервые введены в научный оборот публикации писателя в приморской прессе и собственном журнале писателя «Природа и люди Дальнего Востока», выявлена типология фронтальных сюжетов его этнографической беллетристики.

Ключевые слова

Н. П. Матвеев, «Уссурийские рассказы», этнографическая беллетристика, дальневосточный фронт, ментальность дальневосточного фронта, первопоселенцы, манзы, корейцы, сюжет

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ, проект № 25-78-10055 «Становление художественной этнографии в творчестве дальневосточных писателей (середина XIX – первая половина XX в.)»

Для цитирования

Землянская К. А. Сюжеты фронтальной жизни в этнографической беллетристике Н. П. Матвеева // Сюжетология и сюжетология. 2026. № 3. С. 69–82. DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-69-82

© Землянская К. А., 2026

eISSN 2713-3133
Сюжетология и сюжетология. 2026. № 3. С. 69–82
Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis], 2026, no. 3, pp. 69–82

Scenes of Frontier Life in the Ethnographic Fiction of N. P. Matveev

Kseniya A. Zemlyanskaya

Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
phlox@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>

Abstract

This article examines the ethnographic fiction of N. P. Matveev (Amursky), a prominent local historian, writer, and public figure from Vladivostok. The study is prompted by the growing scholarly interest in the development of literary ethnography in the works of Far Eastern writers from the late 19th to the early 20th century. Matveev's writing emerged within the broader context of ethnographic approach in Russian fiction at the turn of the twentieth century. As an enthusiastic local historian, Matveev published extensively in newspapers of the Primorye region, and by the beginning of the 20th century, had published collections of stories in Vladivostok and Moscow. These work depict the lives of settlers in the South Ussuri region, their daily concerns and anxieties, as well as their interaction with other ethnic communities – the Chinese, Japanese, and Koreans. The article examines previously understudied materials from the Primorye press and from Matveev's own journal, *Nature and People of the Far East*, making them available for study for the first time. It also identifies the typology of frontier plots in his ethnographic fiction.

Keywords

N. P. Matveev, “Ussuri Stories”, ethnographic fiction, Far Eastern frontier, mentality of the Far Eastern frontier, pioneers, Mansi, Koreans, plot

Acknowledgments

This work was carried out at Linguistics University of Nizhny Novgorod (LUNN) with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 25-78-10055 “The Formation of Artistic Ethnography in the Works of Far Eastern Writers (mid-19th – first half of the 20th century)”

For citation

Zemlyanskaya K. A. Scenes of Frontier Life in the Ethnographic Fiction of N. P. Matveev. *Syuzhetologiya i Syuzhetografiya [Plot Description and Analysis]*, 2026, no. 3, pp. 69–82. (in Russ.) DOI 10.25205/2713-3133-2026-3-69-82

Николай Петрович Матвеев (1865–1941) – видный общественный деятель, первый летописец жизни Владивостока с первых лет его основания, оригинальный писатель, ученый-краевед, редактор, журналист, издатель, член комитета по защите бедных, секретарь и член Общества изучения Амурского края, член первого владивостокского Совета рабочих и военных депутатов и Комитета безопасности, почетный житель Владивостока, кандидат на место главы города, японовед. Это неполный список его подвижнических начинаний и осуществленных дел в жизни приморского города в начале XX в. Помимо личных творческих инициатив, он стал основателем литературного клана, подарившего литературной и общественной жизни Дальнего Востока и России в целом такие имена, как Венедикт Март, Николай Матвеев-Бодрый, Зотик Матвеев, Георгий Матвеев, Иван Елагин, Новелла Матвеева и др.

Несмотря на заслуги и вклад в изучение жизни края, в системном ключе этнографическая беллетристика Н. П. Матвеева не становилась объектом научного исследования, многие произведения писателя до сих пор не републикованы. Сегодня сборники стихотворений и рассказов Н. П. Матвеева возвращаются к читателю. Приморская краевая публичная библиотека им. А. М. Горького оцифровывает сборники Матвеева, которые хранятся в их фондах. Приморское издательство «Русский Остров» в 2023 г. выпустило сборник «Уссурийские рассказы», куда полностью вошел сборник Матвеева 1904 г. и неизвестные ранее публикации из владивостокской прессы.

Случай Н. П. Матвеева в истории становления и развития этнографического направления в литературе Дальнего Востока являет пример экстраполяции в художественное пространство сложного комплекса проблем, сопровождающих фронтирную жизнь переселенцев при их встрече с инокультурой, стремления самого автора определить собственные фреймы идентичности и установки по отношению к восприятию разных народов и культур.

Теоретико-методологической основой исследования послужили работы научного коллектива Амурского государственного университета, обращенные к концепции дальневосточного порубежья и фронтирной ментальности. Понятия «дальневосточный фронт» и «порубежье» теоретически обоснованы в работах А. П. и А. А. Забияко [Забияко А. П., 2009; 2016; Забияко, Сенина, 2025]. Основания формирования ментальности дальневосточного фронта и ее репрезентации в художественной литературе определены в работах А. А. Забияко [2016]. Понятие «художественная этнография» и «поэтический этнографизм» сформулированы в работах А. А. Забияко и О. Е. Цмыкал [Забияко, 2011; 2012; Забияко, Цмыкал, 2021]. Феномен этнографической беллетристики рассмотрен в работах Е. К. Созиной [2018] и А. Л. Фокеева [2004]. Биография Н. П. Матвеева рассмотрена в работах Л. Иващенко [1976, с. 197–202], Синьити Хияма, З. Ф. Моргун [1997], К. Н. Зиловой [2000], Б. Дьяченко [2003], В. П. Евтушенко [2004], Т. Ёкото Мураками [2007], Икута Митико [2015], Е. О. Кирилловой [2016а; 2016б], А. А. Хисамутдинова [2004; 2019], В. Авченко [2021]. Проза Н. П. Матвеева на материале сборника «Уссурийские рассказы» с точки зрения проблемно-тематического своеобразия рассмотрена в работах Л. Е. Фетисовой [2015; 2019].

Матвеев родился в городе Хакодате в семье фельдшера русской православной миссии, и сегодня он считается первым русским ребенком, рожденным на японской земле. С Японией у него будет особая связь; в начале XX в. он много раз сможет побывать на территории Японии с разными целями (подробнее см.: [Синьити Хияма, Моргун, 1997]). Всю молодость и зрелые годы Н. П. Матвеев провел во Владивостоке, работая на благо города и его жителей. В 1919 г., не найдя возможности жить при новой власти, писатель вместе с частью своей большой семьи эмигрировал в Японию и прожил там до конца своих дней.

Формирование Матвеева как писателя шло под воздействием революционно-демократических настроений интеллигенции, многие радикальные представители которой за антигосударственные убеждения и действия были сосланы на Дальний Восток. В начале XX в. дом Матвеева на Абрекской улице, 9 во Владивостоке был прибежищем вольнодумствующей интеллигенции и просто образованных людей – там бывала Л. А. Волкенштейн с мужем; известный этнограф, «борец, по-

страдавший за свободу русского народа»¹ Л. Я. Штернберг, писатель и публицист, редактор газеты «Владивосток» Н. В. Ремезов, этнограф Б. О. Пилсудский, революционер-народник Н. А. Морозов, народоволец И. П. Ювачёв, отец Даниила Хармса, сосланный во Владивосток за неблагонадежность врач Н. Кирилов, чуть позднее писатели и поэты – К. Бальмонт, Н. Асеев, Д. Бурлюк, С. Третьяков. Именно в доме Матвеева началось становление В. К. Арсеньева как этнографа и писателя.

Матвеев публиковался в приморской прессе с конца XIX в. Считается, что его первая литературная публикация была напечатана в 1892 г. в газете «Владивосток» [Корнилов, 2023, с. 8]. Большинство его рассказов и очерков мы сегодня находим именно в газете «Владивосток», которую издавал его друг Н. В. Ремезов. По заданию редакции Матвеев смог побывать в отдаленных поселках Южно-Уссурийского края, изучить быт и повседневные заботы приморских первопоселенцев, осваивающих новые земли и налаживающих тесный контакт с живущими рядом корейцами и китайцами. В начале XX в. уже опубликованные в приморских газетах рассказы он объединит в сборники. Так, в 1901 г. Н. П. Матвеев публикует во Владивостоке свой первый «Сборник рассказов, статей и стихотворений», который разошелся среди читателей почти мгновенно [Павленко, 2019, с. 282–283]. В 1902 г. в Санкт-Петербурге выходит сборник «Стихотворения, пародии и подражания». По словам Л. Иващенко, «эта небольшая стихотворная книжица принесла Н. Матвееву литературное признание в среде владивостокской интеллигенции, открыла ему двери в домах местной знати, что позволило ему стать впоследствии гласным Владивостокской городской думы, председателем целого ряда культурных обществ и советов» [Иващенко, 1976, с. 198]. Через два года, в 1904 г. уже в центральном московском издательстве И. Д. Сытина выходит сборник «Уссурийские рассказы». Весь тираж предназначался для владивостокского читателя, но по ошибке был запущен в магазины Москвы. Половина тиража разлетелась очень быстро среди московских читателей. Так Матвеев стал первым дальневосточным писателем, получившим известность в Центральной России.

В 1906 г. Матвеев начинает издавать газету «Далекий Край» и еженедельный иллюстрированный журнал «Природа и люди Дальнего Востока», который позиционировался как первое подобного рода русское издание на Дальнем Востоке и был посвящен «преимущественно странам Дальнего Востока: Китаю, Японии, Корее, Маньчжурии и Приамурью»². Целью журнала Матвеев обозначил всестороннее ознакомление русского общества с природой, людьми и жизнью их на Дальнем Востоке: «Мы должны совершенно оставить взгляд на соседние нам народы как на высшие и низшие расы, должны жить с ними в мире и изгнать из нашей восточной политики всяческие ухищрения, восстановить справедливые и человеческие отношения с народами Востока»³, – утверждалось в первом выпуске журнала. «То, что принято называть “Дальний Восток” – великий мир, населенный полумиллиардом людей. Каждому понятно, сколько здесь есть интересного, неизвестного русским людям! Сколько высокоумного, высокохудожественного».

¹ Исследователи Приамурья. Л. Я. Штернберг // Природа и люди Дальнего Востока (Владивосток). 1906. № 1. С. 12.

² Природа и люди Дальнего Востока. 1906. № 16. С. 16.

³ От редакции // Природа и люди Дальнего Востока. 1906. № 1. С. 4.

ственного в этом древнейшем мире! К великому сожалению, *мы, русские, все время скользим по поверхности этого великого мира* и до сих пор не пришли к сознанию познакомиться с ним ближе, изучить его»⁴ (курсив мой. – К. З.).

«Карта Тихоокеанского региона, на которой Россия, Япония, Китай и Корея были отмечены национальными флагами, служила яркой обложкой журнала» [Ёкто Мураками, 2007, с. 101]. К миру с восточными соседями призывали и в газетах Владивостока тех лет. Так, Н. В. Ремезов, друг писателя, поместил в своей газете перепечатку парадоксальных до курьезности высказываний одного генерала, опубликованную в газете «Волжский вестник»: «Если мы хотим избежать страшных для нас бедствий на азиатском востоке, мы должны все усилия своей воли, своего разума и своего сердца направить к тому, *чтобы каждый русский там внушал к себе любовь китайца*»⁵ (курсив мой. – К. З.). Как увидим в дальнейшем, в сознании Н. П. Матвеева этот тезис нашел горячее сочувствие и способствовал искажению его этнических фреймов: уважение и любовь к представителям инокультуры на фоне негативного восприятия русского этноса.

Не случайно его умонастроения находят горячий отклик у японских ученых, которые отмечают «уважение к японской, китайской и корейской культурам» Н. П. Матвеева, а его отношение к русским переселенцам свидетельствует «*лишь об их неразвитости и необходимости приобщения к цивилизации, что даст возможность установить мир на дальневосточной земле и превратить ее в цветущий сад*» [Там же, с. 103] (курсив мой. – К. З.).

За выпады против официальной власти и, добавим, собственного народа, опубликованные в журнале, Матвеева арестовали и осудили в конце 1906 г. Официальный приговор: за покушение на распространение возмутительных сочинений полтора года в крепости.

После ареста Матвеева сразу же был прекращен выпуск газеты «Далекый Край», закрыт журнал «Природа и люди Дальнего Востока», который просуществовал лишь полгода – с января по июнь 1906 г. Вышли в печать только 27 номеров журнала. Вновь журнал начнет выходить уже через много лет, в 1918 г.

После окончания срока заключения политические позиции Н. П. Матвеева меняются. С точки зрения Б. Дьяченко, у Н. П. Матвеева «наступило разочарование. Прежде всего в том, что революция что-то меняет. Они, правда, могут уничтожить конкретных носителей зла, но злом же. А от этого растет только зло» [Дьяченко, 2003, с. 269].

Матвеев пишет в разных жанрах, отдавая предпочтение малой прозе, жанру рассказа и очерка, обращается к стихотворениям на бытовые темы, пародийные стихи, были, стихотворения в прозе. На сегодняшний день «Краткий исторический очерк г. Владивостока» можно считать единственной попыткой писателя попробовать себя в большой прозе. Писатель стремится калейдоскопически, фрагментарно описывать окружающую действительность. И для такой цели жанр рассказа был самым предпочтительным. Этнографическая составляющая его прозы фрагментарна, она не составляет цельного художественного целого. В этой прозе писатель выступает не как ученый-исследователь, его видение отражает

⁴ Издатель [Матвеев Н. П.]. 12 мая 1918 г. // Природа и люди Дальнего Востока (Владивосток). 1918. № 1. С. 2.

⁵ Из газет [Волжский Вестник] // Владивосток. 1902. № 4. С. 8.

повседневный взгляд среднего жителя Владивостока на те проблемы фронтирной жизни русских переселенцев, с которыми они сталкивались во второй половине XIX – начале XX в.

Можно выделить несколько тем для развития сюжетов из фронтирной жизни:

- повседневная жизнь переселенцев и утраченные иллюзии, разочарование в жизни на новых землях;
- тяжелая жизнь инородцев;
- хунхузничество в Южно-Уссурийском крае;
- тигриная опасность;
- охота за пантами и особенности охотничьего промысла в Южно-Уссурийском крае;
- золотодобыча и быт работников приисков.

Все реалии, отраженные в сюжете его рассказов, писатель мог наблюдать во время своей жизни во Владивостоке либо во время многочисленных командировок по заданию редакций тех газет, с которыми Матвеев сотрудничал, часть сюжетов заимствована писателем из уголовной хроники Южно-Уссурийского края. Эти публикации ориентированы на приморского читателя ежедневной региональной газеты. В рамках газетной публикации все рассказы писателя напечатаны в окружении новостных сводок и объявлений.

Чаще всего сюжеты рассказов Матвеева разворачиваются вокруг одной событийной ситуации. Это концентрические сюжеты, выстроенные так, чтобы максимально драматизировать повествование, а затем разрешить напряженную конфликтную ситуацию. Чтобы привлечь внимание читателя, писатель обозначает конфликт в самом начале рассказа (делая тем самым очень эффектный анонс), а потом возвращается к предыстории событий. Это самый незамысловатый способ привлечь и удержать внимание читателя к сюжету.

Действенный способ привлечь внимание к своему рассказу – это взять за основу какую-то остро драматическую историю, сфокусировать читательское восприятие на крайних проявлениях человеческой натуры, шокировать: например, случаи избиения детей («Бродяжка»), убийства корейцев русскими поселенцами («Лебеди»), натуралистические описания военных действий и жестокости человека на войне («Отрывки»), ситуация противостояния дикому зверю («Страшная ночь»).

Писатель постоянно обращается к значимым для дальневосточников местам и событиям, вписывая свою прозу в широкий региональный контекст: «Много интересного поведал мне старик о том, как они шли по Сибири, какие терпели мытарства, как трудно им было основываться на “новых местах” и как они вынесли знаменитую в летописях края “манзовскую войну” шестьдесят восьмого года»⁶; «Попал я как-то раз в поезд, который вез пассажиров, прибывших на последних пароходах по р. Сунгари из Харбина в Хабаровск. Их было так много, что, когда поезд отходил со станции Дубининской (первой от Никольской по направлению к Хабаровску)...»⁷. Географическая точность призвана сообщить событиям, описываемым в рассказе, достоверность и реалистичность.

⁶ Амурский Н. На праздниках // Владивосток. 1902. № 2, 6 янв. С. 9.

⁷ Амурский Н. По Уссурийскому краю // Амурский Н. Уссурийские рассказы. М., 1904. С. 209.

Почти в каждом рассказе писатель подчеркивает фактологическую достоверность изображаемого. Перед нами предстает фигура рассказчика, который, в свою очередь, излагает в соответствии с ситуацией рассказ своего дорожного знакомого или друга. Часто под видом рассказа друга скрывается сюжет из жизни самого Матвеева. Например, в рассказе «Бродяжка (из жизни бедных людей)» явно выступают события безрадостного детства писателя в доме жестокого отца.

Часто трагедия, которая образует сюжетную канву охотничьего рассказа, связана у Матвеева с нарушением миропорядка. Так, в канун Рождества, когда охота, по народным поверьям, не приветствуется, пошел охотиться герой рождественского рассказа «Страшная ночь», за что и был наказан встречей с тигром и страшной ночью на дереве. В рассказе «Лебеди» русские охотники устраивают охоту на возвращающихся домой корейцев, за что и осуждены в финале рассказа. Похожий сюжет читатель встречает и в рассказе «Тайна уссурийской тайги», где в рамках этого повествования наказания для героя не наступает. Оно его ждет в другом рассказе – «Из прошлого уссурийской тайги» – от рук другого русского охотника.

Сюжеты Матвеева о хунхузах, столь много зла доставивших приморцам, изобилуют описаниями их жестокости и кровожадности («мучают же они <...> получают инженер-начальник кожу с руки вместе с ногтями <...> одно слово – звери...»⁸; «страсть бояться хунхузов»⁹). Писатель описывает ужас, который наводили хунхузы даже на тех, кто никогда с ними и не сталкивался («По Уссурийскому краю») ¹⁰. Их жестокость объясняется нецивилизованностью в отличие от добрых к ним русских («наши с ними дружно, мирно поступали» ¹¹). Противостоянию казаков и хунхузов посвящены рассказы «Из войн с хунхузами. Неудачная атака» и «Изменник». Финал рассказов одинаков – хунхузов русские воины ловят и наказывают. Зло, с точки зрения писателя, всегда должно быть наказано. Он не романтизирует хунхузов, не видит в них благородных разбойников, которые обрели свободу и власть. Для него это обычные преступники, которые должны быть справедливо наказаны.

Большая доля рассказов Матвеева связана с взаимоотношениями русских переселенцев с инородцами – китайцами, корейцами и японцами. Представителей других культур, в том числе аборигенных народов Дальнего Востока, в произведениях Матвеева нет.

Художественное повествование о корейцах в творчестве Матвеева представлено в форме уличных сцен, зарисовок и путевых очерков. Рассказ «Иробо» состоит из четырех сцен, которые изображают тяжелую жизнь корейцев на улицах Владивостока; писатель эти сцены вполне мог наблюдать на улицах города в начале XX в. Автор определяет его жанр как «уличные сцены». В центре внимания писателя вопросы взаимоотношения русских и корейцев в сфере трудовых отношений.

⁸ Амурский Н. По Уссурийскому краю // Амурский Н. Уссурийские рассказы. М., 1904. С. 211.

⁹ Там же. С. 213.

¹⁰ Похожий сюжет о суеверном страхе перед хунхузами мы можем встретить и в рассказе И. Митропольского «Хунхузы (из маньчжурских рассказов)» (1906).

¹¹ Амурский Н. По Уссурийскому краю // Амурский Н. Уссурийские рассказы. М., 1904. С. 211.

Второй рассказ на корейскую тематику «Лебеди (Из жизни Южно-Уссурийского края)» посвящен уже корейцам за пределами Владивостока. Повествователь изображает сцену случайного убийства русскими охотниками двух корейцев, которые возвращались на родину с заработков, несли деньги семьям тех своих друзей, которые остались на приморской земле продолжать работать. Писатель рисует страшную правду Южно-Уссурийской тайги рубежа веков: в этих таежных землях существовал целый охотничий промысел, где добычей являлись несчастные корейцы. Обычно русские охотники просто обирали корейцев, и, надавав тумачков, отпускали восвояси, но бывали и более страшные случаи, когда корейцев убивали. О такой практике сообщали и в начале XX в. участники Амурской экспедиции Н. Л. Гондатти по обследованию территорий, предназначенных к строительству будущей Амурской железной дороги: «Начиная от Барабаша и до Сучана, а в другую сторону до Ханки можно встретить особый вид “охоты”, осенью, после уборки и продажи продуктов, на корейцев, живущих в глуши: “охота” эта часто кончается и убийствами, которые изредка регистрируются»¹². Сам Матвеев в очерке «Присуйфунские корейцы» также говорит о подобной практике в приморских деревнях: «...мужики занимаются охотой на корейцев, уходящих с заработков на родину. <...> Эти рассказы исходят не от инородцев, тогда можно бы было усомниться, но от самих же русских, проживающих здесь годами. <...> Само общество этой деревни <Борисовки. – К. 3.> неоднократно убеждало своих односельчан бросить их охотничье ремесло, но они находят его выгодным. Исключить же этих разбойников из общества крестьяне боялись: ну как да пустят красного петуха или зарежут скотинку. Так и живут и работают по-своему»¹³. И в рамках художественного рассказа, и в рамках публицистического очерка писатель осуждает подобные поступки русских охотников. Финал рассказа показывает точку зрения автора на изображенное в рассказе: любое зло, даже совершенное «по нечаянности», должно быть сурово наказано.

Китайцы, которые проживали на территории Приморья в конце XIX – начале XX в., также представляют интерес для Н. П. Матвеева. В центре его внимания – взаимоотношения русских и китайцев на территории Приморья: сфера перевозок («Бродяжка (Из жизни бедных детей)»), розничная торговля («И-фу (Из уссурийской жизни)»), «В святочный вечер»), пребывание на китайских постоянных дворах («Поцелуй (Этюд)»), военные конфликты («Отрывки (К китайским событиям)»), охота («Тайна уссурийской тайги: рассказ», «Из прошлого уссурийской тайги»), хунхузничество («По Уссурийскому краю», «Из войн с хунхузами. Неудачная атака», «Изменник»), сфера строительства («Мертвые души»), работа на золотых приисках («Китайцы на Карийских приисках»).

В рассказах «Пасха в китайской фанзе», «И-фу (Из уссурийской жизни)» писатель изображает дружественные отношения русских и китайцев. В центре первого рассказа история спасения китайцем больного русского переселенца: «Надо, надо

¹² Песоцкий В. Д. Корейский вопрос в Приамурье: отчет поручика I-го Сибирского стрелкового Его Величества полка. Хабаровск, 1913. С. 28.

¹³ Амурский Н. Присуйфунские корейцы // Амурский Н. Сборник рассказов, статей и стихотворений: В 3 ч. Владивосток, 1901. Ч. 3. С. 43.

помочь ему, он очень хороший человек»¹⁴. Благородный поступок русского человека, который спас китайца в беде, вернулся в будущем ему собственным спасением. Как Иисус много веков назад воскрес после смерти, так и русский в китайской фанзе на священный праздник Пасхи обрел спасителя, друга и брата в китайце: «В одной руке он [Сы-хо-шюн. – К. З.] нес небольшой кулич, в другой – китайскую чашку с крашеными яйцами. Взмолвленный, обрадованный Никита быстро сел и обнял манзу. – Христос Воскресе, брата! Сказал он и заплакал»¹⁵.

Второй рассказ – история несчастной женщины, волею судеб оставленной без средств к существованию мужем-моряком на неопределенный срок. Манзараносчик приходит на помощь в голодную пору. И, когда уже через много лет сам китаец оказывается в трудной жизненной ситуации, муж и жена, которым он когда-то помог, дают ему деньги, чтобы начать новую жизнь. Матвеев дает рассказу имя самого китайца И-фу, тем самым акцентируя на нем внимание.

Автор воспринимает китайцев сугубо с внешней стороны, явно имея богатый опыт общения с ними на улицах Владивостока: «от него страшно пахло и черемшой, и чесноком, и табаком»¹⁶. Точно так же, как и при разговоре о корейцах, Матвеев использует схожие схемы при описании внешности китайцев: «узкие глаза, выдающиеся скулы, плоский нос, коричневый цвет лица; коса, обернутая вокруг головы, ничем не покрытой и спереди частью обритой, и одежда, почти вся синего цвета и китайского покроя, – все это говорило о том, что это китаец»¹⁷.

Японцы, несмотря на отличное знание их культуры и языка писателем, почти не находят своего образного воплощения в этнографической беллетристике Н. П. Матвеева. Этот народ не упоминается на страницах его сборников начала XX в., хотя японцы жили на территории Владивостока и приморское население ежедневно с ними сталкивалось в повседневном общении, так как они занимали сферу обслуживания в городе.

Для японской темы Матвеев выбирает жанр «Из воспоминаний»; сам он выступает в роли рассказчика. Для близко знакомого автор не использует художественную форму рассказа, хотя содержание этому соответствует. Писателю нужно показать экзотическую обстановку, окружающую русских в Японии, сделать ее максимально достоверной и реалистичной: «Обстановка была довольно оригинальная. Среди пола, покрытого циновкой, стоит “хибач” – деревянный лакированный ящик <...> наполненный золой... <...> Около “хибача” на полу на лакированном подносе малюсенький чайничек с “оча” – японским зеленым чаем, маленькие фарфоровые чашечки и лакированная чаша с японскими печеньями. Я сижу, облаченный в японский “киримон” (халат) на куче подушек, так как стульев в гостинице не полагается. <...> Нам прислуживает, подливая чай, по-

¹⁴ Матвеев Н. Пасха в китайской фанзе // Матвеев Н. Уссурийские рассказы. Владивосток, 2023. С. 216.

¹⁵ Там же. С. 219.

¹⁶ Амурский Н. И-фу (Из уссурийской жизни) // Амурский Н. Уссурийские рассказы. М., 1904. С. 76.

¹⁷ Матвеев Н. Тайна уссурийской тайги: рассказ // Матвеев Н. Уссурийские рассказы. Владивосток, 2023. С. 151.

правляя угли в “хибаче” одна из прислужниц-масумэ (девушка)»¹⁸. Потому органичным для этой цели становится жанр воспоминаний с большим объемом комментируемого текста о повседневном быте японцев. Действие происходит в японском городе Фукуоке, где были расквартированы после русско-японской войны русские военнопленные. Это рассказ о большой любви мужа-военнопленного и последовавшей за ним в плен жены, переодетой в мужчину. Никаких оценок японцам после их победы в русско-японской войне писатель не дает, в рассказе японская тема присутствует только как фон для описываемого события.

Икута Митико считает, что «на творчество Матвеева влияла его двойственная национальная идентичность – он ощущал свою принадлежность и к России, и к Японии, и потому предметом его наблюдений становились периферийный и динамический аспекты жизни двух социумов, а также объекты, находящиеся “на стыке” культур» [Икута Митико, 2015, с. 115]. Это вполне резонно, учитывая особенности формирования ментальности дальневосточного фронта.

Таким образом, в этнографической беллетристике Матвеева, ориентированной на широкий круг читателей, находят воплощение «ходовые» сюжеты фронтирной жизни Южно-Уссурийского края (хунхузничество, тигриная мифология, межэтнические конфликты, детское бесправие и т. д.). Приморский краевед использует самые действенные способы привлечения читательского внимания к своим рассказам – от анонса внутрисюжетного конфликта в духе газетного слогана до шокирующих подробностей в развязке сюжета. Несмотря на скудость этнографической составляющей, фронтирные сюжеты писателя отражают контекст формирования художественно-этнографического направления в дальневосточной литературе рубежа веков и дают представление о роли идейно-психологических и этносоциальных фреймов писателя по отношению к инокультуре и собственной этничности.

Список литературы

- Авченко В. Матвеев: первый // Новая газета во Владивостоке. 2021. № 580, 11 февр.
- Дьяченко Б. Клан Матвеевых // Рубеж. Владивосток. 2003. № 4 (866). С. 265–272.
- Евтушенко В. П. Дерево плодоносящее: биография уникальной литературной династии Матвеевых. Владивосток: Делин, 2004. 186 с.
- Ёкто Мураками Т. Жизнь и творчество семьи Матвеевых // Материалы XXI Российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония) (Владивосток, 5–6 сентября 2005 г.). Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 99–110.
- Забияко А. А. Становление художественной этнографии Владислава Лещика // Люсевские чтения – 2011: Материалы Регион. науч.-практ. конф. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2011. С. 87–109.
- Забияко А. А. Текстологические тропы дальневосточной этнографии (проблема аутентичности текстов писателей 1920–1940 гг.) // Русский Харбин, запечатлен-

¹⁸ Матвеев Н. Канонир Егор Богданов (Из воспоминаний) // Матвеев Н. Уссурийские рассказы. Владивосток, 2023. С. 314.

ный в слове / Под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. Вып. 5: Проблемы источниковедения и текстологии. С. 181–202.

Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. 437 с.

Забияко А. А., Сенина Е. В. Русские и китайцы: образы взаимного восприятия в литературе. М.: ИД ВКН, 2025. 448 с.

Забияко А. А., Цмыкал О. Е. Художественная этнография в лирическом тексте (поэтический этнографизм Лариссы Андерсен) // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 45–55.

Забияко А. П. Русские в условиях дальневосточного фронта: этнический опыт XVII – начала XX в. // Забияко А. П., Кобызов Р. А., Понкратова Л. А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2009. С. 9–35.

Забияко А. П. Порубежье как данность человеческого бытия // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 26–36.

Зилова К. О семье Матвеевых и ее роли в развитии культуры на Дальнем Востоке // Словесница искусств. 2000. № 6. С. 32–35.

Иващенко Л. «...И сохрани душевный пламень». Забытые и малоизвестные страницы истории дальневосточной поэзии // Золотой рог: Лит.-худож. сб. Владивосток: Дальневост. кн. изд-во, 1976. С. 192–222.

Икута Митико. Н. П. Матвеев как японовед // Востоковедение на Дальнем Востоке России: история, современность и будущее / Под ред. А. С. Дыбовского. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2015. С. 104–117.

Кириллова Е. О. «Переночуем во Владивостоке – одном из дивных тупиков Руси»: вклад семьи Матвеевых в формирование культуры Тихоокеанской России // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации / Отв. ред. А. А. Новикова. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2016а. С. 170–180.

Кириллова Е. О. Выдающиеся деятели культуры Дальнего Востока России. Матвеевы: из рода литераторов // Литература и культура Дальнего Востока, Сибири и восточного зарубежья. Проблемы межкультурной коммуникации / Отв. ред. А. А. Новикова. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2016б. С. 17–22.

Корнилов С. Об авторе // Матвеев Н. Уссурийские рассказы. Владивосток: Русский Остров, 2023. С. 7–11.

Павленко Л. Е. На матвеевскую полку. Матвеевский фонд в ПКПБ им. А. М. Горького // Матвеевы. Две даты. Две жизни. Два мира: Материалы III Матвеевских научных чтений / Под общ. ред. А. Г. Брюханова. Владивосток: Валентин, 2019. С. 281–294.

Синьити Хияма, Моргун З. Ф. Жизнь Н. П. Матвеева в эмиграции в Японии // Изв. Восточного института Дальневосточного государственного университета. 1997. № 5. С. 213–231.

Созина Е. К. Писатели-этнографы в русской литературе второй половины XIX века: ремесленники, популяризаторы, номады от литературы? // Acta Universitatis Lodzinesis Folia Literaria Rossica. 2018. № 11. С. 21–33.

Фетисова Л. Е. Этнографическая проза Н. П. Матвеева-Амурского // Лингвострановедческие, социокультурные и лингвистические аспекты в изучении и пре-

подавании иностранного языка и литературы. Тамкан: Тамкан. ун-т, 2015. С. 161–172.

Фетисова Л. Е. Этнографическая проза Н. П. Матвеева-Амурского: очерки жизни Южно-Уссурийского края на рубеже XIX–XX вв. // Матвеевы. Две даты. Две жизни. Два мира: Материалы III Матвеевских научных чтений / Под общ. ред. А. Г. Брюханова. Владивосток: Валентин, 2019. С. 17–30.

Фокеев А. Л. Этнографическое направление в русском литературном процессе XIX века: истоки, тип творчества, история развития: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004. 516 с.

Хисамутдинов А. А. Общество изучения Амурского края. Владивосток: Владивосток. гос. ун-т экономики и сервиса, 2004. Ч. 1: События и люди. 275 с.

Хисамутдинов А. А. Жизнь за книгу. Владивосток: Дальнаука, 2019. 264 с.

References

Avchenko V. Matveev: pervyi [Matveev: The First]. *Novaya Gazeta in Vladivostok*. 2021, no. 580. (in Russ.)

Dyachenko B. Klan Matveevykh [The Matveev clan]. *Rubezh*. 2003, no. 4 (866), pp. 265–272. (in Russ.)

Evtushenko V. P. Drevo plodonosyashchee: biografiya unikal'noi literaturnoi dinastii Matveevykh [A Fruitful Tree: The Biography of the Unique Literary Dynasty of the Matveevs]. Vladivostok, 2004, 186 p. (in Russ.)

Fetisova L. E. Etnograficheskaya proza N. P. Matveeva-Amurskogo [Ethnographic prose by N. P. Matveev-Amursky]. In: *Lingvostranovedcheskie, sotsiokul'turnye i lingvisticheskie aspekty v izuchenii i prepodavanii inostrannogo yazyka i literatury* [Linguistic, regional, sociocultural and linguistic aspects in the study and teaching of foreign languages and literature]. Tamkan, Tamkan Uni. Press, 2015, pp. 161–172. (in Russ.)

Fetisova L. E. Etnograficheskaya proza N. P. Matveeva-Amurskogo: ocherki zhizni Yuzhno-Ussuriiskogo kraia na rubezhe XIX–XX vv. [Ethnographic prose by N. P. Matveev-Amursky: essays on life in the South Ussuri region at the turn of the 19th – 20th centuries]. In: *Matveevy. Dve daty. Dve zhizni. Dva mira* [The Matveevs. Two Dates. Two Lives. Two Worlds]. Proceedings of the 3rd Matveev Scientific Readings. Vladivostok, 2019, pp. 17–30. (in Russ.)

Fokeev A. L. Etnograficheskoe napravlenie v russkom literaturnom protsesse XIX veka: istoki, tip tvorchestva, istoriya razvitiya [Ethnographic trend in the Russian literary process of the 19th century: origins, type of creativity, history of development]. Dr. Philol. Sci. Diss. Moscow, 2004, 516 p. (in Russ.)

Ikuta Mitiko. N. P. Matveev kak yaponoved [Matveev as a Japanologist]. In: *Vostokovedenie na Dal'nem Vostoke Rossii: istoriya, sovremennost' i budushchee* [Oriental Studies in the Russian Far East: History, Present, and Future]. Vladivostok, Far East Uni. Press, 2015, pp. 104–117. (in Russ.)

Ivashchenko L. "...I sokhrani dushevnyi plamen'". Zabytye i maloizvestnye stranitsy istorii dal'nevostochnoi poezii ["...And preserve the flame of the soul". Forgotten and little-known pages in the history of Far Eastern poetry]. In: *Zolotoi rog: lit.-khudozh. sbornik* [Golden Horn: literary and artistic collection]. Vladivostok, Far East Book Publ., 1976, pp. 192–222. (in Russ.)

Khisamutdinov A. A. Obshchestvo izucheniya Amurskogo kraya [Society for the Study of the Amur Region]. Vladivostok, 2004, pt. 1, 275 p. (in Russ.)

Khisamutdinov A. A. Zhizn' za knigu [Life for a book]. Vladivostok, 2019, 264 p. (in Russ.)

Kirilova E. O. "Perenochuem vo Vladivostoke – odnom iz divnykh tupikov Rusi": vklad sem'i Matveevykh v formirovanie kul'tury Tikhookeanskoi Rossii ["We'll spend the night in Vladivostok, one of Rus's wondrous dead ends": The Matveev family's contribution to the formation of Pacific Russia's culture]. In: Literatura i kul'tura Dal'nego Vostoka, Sibiri i vostochnogo zarubezh'ya. Problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii [Literature and Culture of the Far East, Siberia, and the Eastern Abroad. Problems of Intercultural Communication]. Vladivostok, FEFU Press, 2016, pp. 170–180. (in Russ.)

Kirilova E. O. Vydayushchiesya deyateli kul'tury Dal'nego Vostoka Rossii. Matveevy: iz roda literatorov [Outstanding Cultural Figures of the Russian Far East. The Matveevs: From a Line of Literary Leaders]. In: Literatura i kul'tura Dal'nego Vostoka, Sibiri i vostochnogo zarubezh'ya. Problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii [Literature and Culture of the Far East, Siberia, and the Eastern Abroad. Problems of Intercultural Communication]. Vladivostok, FEFU Press, 2016, pp. 17–22. (in Russ.)

Kornilov S. Ob avtore [About the author]. In: Matveev N. Ussuriiskie rasskazy [Ussuri Stories]. Vladivostok, Russkii Ostrov, 2023, pp. 7–11. (in Russ.)

Pavlenko L. E. Na matveevskuyu polku. Matveevskiy fond v PKPB im. A. M. Gorkogo [On the Matveev shelf. The Matveev Foundation at the A. M. Gorky Public Library]. In: Matveevy. Dve daty. Dve zhizni. Dva mira [The Matveevs. Two Dates. Two Lives. Two Worlds]. Proceedings of the 3rd Matveev Scientific Readings. Vladivostok, 2019, pp. 281–294. (in Russ.)

Siniti Khayama, Morgun Z. F. Zhizn' N. P. Matveeva v emigratsii v Yaponii [N. P. Matveev's life in exile in Japan]. *News of the Eastern Institute of the Far Eastern National University*, 1997, no. 5, pp. 213–231. (in Russ.)

Sozina E. K. Pisateli-etnografy v russkoi literature vtoroi poloviny XIX veka: remeslenniki, populyarizatory, nomady ot literatury? [Ethnographic writers in Russian literature of the second half of the 19th century: artisans, popularizers, literary nomads?]. *Acta Universitatis Lodzinesis Folia Literaria Rossica*, 2018, no. 11, pp. 21–33. (in Russ.)

Yokoto Murakami T. Zhizn' i tvorchestvo sem'i Matveevykh [The life and work of the Matveev family]. In: Materialy XXI Rossiisko-yaponskogo simpoziuma istorikov i ekonomistov DVO RAN i raiona Kansai (Yaponiya) [Proceedings of the 21st Russian-Japanese Symposium of Historians and Economists of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences and the Kansai Region (Japan)]. Vladivostok, Dal'nauka, 2007, 99–110. (in Russ.)

Zabiyako A. A. Stanovlenie khudozhestvennoi etnografii Vladislava Letsika [The development of artistic ethnography by Vladislav Letsik]. In: Losevskie chteniya – 2011 [Losev Readings – 2011]. Proceedings of the regional scientific and practical conference. Blagoveshchensk, 2011, pp. 87–109. (in Russ.)

Zabiyako A. A. Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Kharbina [The Mentality of the Far Eastern Frontier: The Culture and Literature of Russian Harbin]. Novosibirsk, 2016, 437 p. (in Russ.)

Zabiyako A. A. Tekstologicheskie tropy dal'nevostochnoi etnografii (problema autentichnosti tekstov pisatelei 1920–1940 gg.) [Textual Tropes of Far Eastern Ethnography (the Problem of Authenticity of Texts by Writers of the 1920s – 1940s)]. In: Russkii Kharbin, zapechatlenniy v slove. Problemy istochnikovedeniya i tekstologii [Russian Harbin, Captured in Words. Problems of Source Studies and Textual Criticism]. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2012, vol. 5, pp. 181–202. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Senina E. V. Russkie i kitaitsy: obrazy vzaimnogo vospriyatiya v literature [Russians and Chinese: Images of Mutual Perception in Literature]. Moscow, 2025, 448 p. (in Russ.)

Zabiyako A. A., Tsmykal O. E. Khudozhestvennaya etnografiya v liricheskom tekste (poeticheskii etnografizm Larissy Andersen) [Artistic ethnography in lyrical text (poetic ethnographism of Larissa Andersen)]. *Humanitarian vector*, 2021, vol. 16, no. 1, pp. 45–55. (in Russ.)

Zabiyako A. P. Porubezh'e kak dannost' chelovecheskogo bytiya [The Borderland as a Given of Human Existence]. *Questions of Philosophy*, 2016, no. 11, pp. 26–36. (in Russ.)

Zabiyako A. P. Russkie v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira: etnicheskii opyt XVII – nachala XX v. [Russians in the Far Eastern Frontier: Ethnic Experience of the 17th – Early 20th Century]. In: Russkie i kitaitsy: etnomigratsionnye protsessy na Dal'nem Vostoke [Russians and Chinese: Ethnic Migration Processes in the Far East]. Blagoveshchensk, AmSU Press, 2009, pp. 9–35. (in Russ.)

Zilova K. O sem'e Matveevykh i ee roli v razvitiy kul'tury na Dal'nem Vostoke [On the Matveev family and its role in the development of culture in the Far East]. *Slovesnitsa Iskusstv*, 2000, no. 6, pp. 32–35. (in Russ.)

Информация об авторе

Ксения Александровна Землянская, кандидат филологических наук, доцент

Information about the Author

Kseniya A. Zemlyanskaya, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 23.06.2026;

одобрена после рецензирования 20.07.2026; принята к публикации 20.07.2026

The article was submitted on 23.06.2026;

approved after reviewing on 20.07.2026; accepted for publication on 20.07.2026